

О некоторых тюркских заимствованиях в коми языке

Вопросу чувашских заимствований в пермских языках, как известно, посвящена специальная монография ВИХМАНА.¹ Кроме этой работы, мы имеем целый ряд статей и отдельных этимологий, посвященных проблеме тюркско-пермских языковых взаимоотношений (УТИЛА, РЯСЯНЕН, ЛАКО и др.). В последнее время вышла статья АЛО РАУН,² в которой подводится итог по вопросу о чувашских заимствованиях в коми языке и высказываются свои (как нам кажется, совершенно правильные) соображения.

Исследователи данного вопроса пришли к выводу о том, что коми язык содержит около трех десятков древнечувашских заимствований, из которых почти все восходят к общепермскому периоду, и что коми язык не производил заимствования непосредственно из татарского языка.

Данные коми диалектологии последних лет предоставляют нам возможность пополнить список коми слов тюркского происхождения. В данном случае мы располагаем следующим материалом.

1. В упомянутой нами работе ВИХМАН об удмуртском слове *kubo* пишет следующее:

„wotj. G. M., Isl. J., U. *kubo* 'spindel', BUCH S., WIED *kubo* 'spinnrocken', MUNK. K. *kubo* 'flachshechel'. < tshuw. (im tshuwassischen nicht belegt); vgl. kas. kir. *kaba* 'holzkamm an der spindel, spinnholz, spindel', RADL.; bschk. КАТАР. *kaba* 'holzkamm an der spindel'. MUNKÁCSI wbuch s. 222 bezeichnet das wort als tatarisches lehnwort. Wir hätten aber in diesem falle im wotjakischen **kaba* zu erwarten (vgl. z. b. wotj. *azbar* 'hof' < kas. *azbar*, wotj. *kalpak* 'kopfbedeckung für mädchen' < kas. *kalpak*, wotj. *taba* 'pfanne' < < kas. *taba*). Anderseits kann es nicht bezweifelt werden, dass wotj. *kubo* ein turkotatarisches lehnwort ist. Wie schon oben (s. 1) erwähnt, entspricht dem turkotat. *a* der ersten silbe im tshuwassischen oft ein *u* ~ *o*; ebenso wie also z. b. wotj. *ulmo* 'apfel' aus dem tshuw. *ulma*, *olma* (dagegen wotj. U. *alma* id. < tat. *alma*), wotj. *ukšo* 'geld' aus dem tshuw. *ukša*, *okša* (dagegen wotj. S. *akša* id. < tat. *akša*) entlehnt ist, muss auch für wotj. *kubo* ein tshuwassisches original **kuBa*, **koBa* vorausgesetzt werden.“ (S. 75—76).

¹ YRJÖ WICHMANN, Die tshuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors 1903.

² ALO RAUN, The Chuvash Borrowings in Zyrian (Journal of the American Oriental Society, Volume 77, Number I, 1957, 40—45).

В литературе о чувашских заимствованиях коми языка до сих пор не фигурировало коми слово *ko'ba* 'прялка', встречающееся в восточных диалектах пермяцкого наречия (в нижнеиньвенском, распространенном на территории Тимиского, Купросского, Крохалевского, Аксеновского и Доегского сельсоветов Юсьвинского района Коми—Пермяцкого округа и занимающем бассейн северных притоков р. Иньвы—Доега, Поя и Исыла с прилегающими к ним территориями по р. Иньве; в оньковском, расположенном на территории только Оньковского сельсовета и представляющем собой самый восточный коми-пермяцкий говор по р. Иньве) и в коми-язьвинском наречии.³

Коми *ko'ba* и удм. *kubo* восходят к общепермскому **koba* (с открытым *o*) и, вероятно, это слово попало в общепермский язык из северного (окающего) диалекта древнечувашского языка. Переход *o* в *u* (**koba* > *kubo*) произошёл на удмуртской почве.⁴ На то, что в этом слове было открытое *o* (а не закрытое *o*), указывают окраинные диалекты удмуртского языка; напр. урсыгуртский (на юго-востоке Тат. АССР) и шошминский (на севере Татарск. АССР), в которых сохраняется различие между общепермскими закрытым и открытым *o*: открытому общепермскому *o* в этих диалектах соответствует *u* (как и в других удмуртских диалектах), а закрытому *o* — *u*, например: коми (во всех диалектах) *gort* 'дом', удм. урсыгуртск. и шошминск. *gurt*; коми *bord* 'крыло', удм. урсыгуртск. и шошминск. *burd*; но: коми верхнесыольск. *gob*, остальные зырянские и пермяцк. диалекты *gob* 'губчатый гриб', удм. урсыгуртск. и шошминск. *gubi*⁵; коми верхнесыольск. *pož*, остальн. зырянские и пермяцк. диалекты *pož* 'решето', удм. урсыгуртск. и шошминск. *puž* и т. д.⁶

2. В коми-язьвинском диалекте имеется слово *bnja'r* 'богатый'. В других современных диалектах коми языка это слово не встречается. В фольклоре и в памятниках письменности XVIII века имеется слово *bajar* в значении 'боярин': *eksi pijan, bajar pijan mač'ašenj* 'дети князей и бояр играют в мяч', в Лепехинском словаре мы читаем *баярь* 'боярин', *баярань* 'боярыня'.⁷ Это слово попало также в русско-зырянский рукописный словарь Н. П. ПОПОВА, представленный в Российской Академии наук в 1845 г., а оттуда — в «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch» (СПб., 1880) ВИДЕМАНА и «Русско-зырянский словарь» Г. С. ЛЫТКИНА (Ленинград, 1931): у ВИДЕМАНА читаем *bajar* 'Herr, Vornehmer', у Г. С. ЛЫТКИНА — боярин *bajar*.

³ См. В. И. ЛЫТКИН, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955 стр. 26—28, 105, 115; а также нашу рецензию на ERKKI ITKONEN, Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen (FUF. XXXI, 149—345): «Вопросы языкознания», 1956 г., № 3, стр. 140—142.

⁴ Д. В. БУБРИХ считает, что этот переход в удмуртском языке имел место весьма поздно: им захвачены даже некоторые русские заимствования — удм. *kuso* < русск. *коса* («Историческая фонетика удмуртского языка», Ижевск 1948, 45—46 стр.)

⁵ Урсыгуртск. и шошминск. примеры ещё раз подтверждают то, что это пермское слово не является русским заимствованием, так как русское *у* (севернорусск. *губа* 'губчатый гриб') никак не могло передаться в коми языке через *o* (*o*), а в западных и южных диалектах удмуртского языка — через *u*.

⁶ См. об этом подробнее в нашей рецензии на работу ЭРККИ ИТКОНЕНА («Вопросы языкознания», 1956 г., № 3, стр. 139—141), а также в нашей «Исторической грамматике коми языка», Сыктывкар 1957 г., §§ 68 и 69.

⁷ См. В. И. ЛЫТКИН, Древнепермский язык, Москва 1952, стр. 150.

Коми-зырянское (в Лепехинском словаре представлен нижневычегодский диалект коми языка XVIII в.) *bajar* мы считаем не русским заимствованием, а карело-вепским по той причине, что нам не известен севернорусский оригинал со звуком *a* (типа *баяр*).⁸ Коми-язьвинское *bojar* затруднительно считать карело-вепским заимствованием, поскольку эти последние встречаются только в зырянских диалектах.⁹ Имеется возможность это коми-язьвинское слово считать русским заимствованием: так мы это и делали в свое время.¹⁰ Действительно, русское предударное *o* и *a* в коми-язьвинском диалекте передается одинаково через *v*, например: русск. *poróg* > коми-язьв. *porog*, русск. *porá* > коми-язьвинск. *pora*; русск. *пастух* > коми-язьвинск. *postu:k*, русск. *пальто* > коми-язьв. *polto*. Таким образом, оригиналом для коми-язьвинского *bojar* 'богатый' могло служить слово со звуком *o* в предударном слоге *bojárin*, *bojár*, встречающееся в севернорусских диалектах. Изменение значения русского слова «боярин, знатный человек» на коми-язьвинское «богатый» нужно считать нормальным явлением; ср. коми *озыр*, удм. *узыр* 'богатый' и слова индоиранских языков, из которых заимствованы приведенные слова (авест. *ahuro* 'Herr', древнеинд. *ásuras* 'Gott'. Уотила, *Syrjänische Chrestomathie*).

Однако, имеется возможность считать коми-язьвинское *bojar* и тюркским заимствованием. В тюркских языках (татарск., киргизск., узбекск., каракалп. и т. д.)¹¹ широко распространены слова *bai* в значении 'богатый' и *bajar* в значении 'хозяин, работодатель, русский офицер или чиновник' (туркменск. язык), 'дворянин, русский помещик' (татарск., башкирск.), 'вельможа, богатое и знатное лицо' (кокандск. диалект узбекск. языка). Нас в данном случае не интересует, какого происхождения тюркское слово *bajar*, во всяком случае оно давно бытует в тюркских языках.¹²

Тот факт, что слова коми-язьвинского типа попали в словари XVIII века,¹³ говорит о том, что коми-язьвинцы раньше жили значительно южнее

⁸ См. нашу статью в «Материалах и исследованиях по русской диалектологии», т. II, Москва, 1949 г., стр. 198. Карельск. *bajari* и людиновско-вепское *bajar* являются словами древнерусского происхождения.

⁹ См. YRJÖ WICHMANN, *Syrjäanit ja karjalaiset: „Valvoja”*, 1920, N 9—10; GYÖRGY LAKÓ, *Syrjänisch-wepsische Lehnbeziehungen: „Ungarische Jahrbücher”* 1935, N 15, S. 318—320; Т. Е. УОТИЛА, *Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista: „Virittäjä”*, 1936, 199—207; В. И. ЛЫТКИН, *Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах (Сборник статей, посвященный Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию)*, Москва 1956 г., стр. 179—189).

¹⁰ См. нашу статью «Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками» («Ученые записки» Рязанского педагогического института, 1955 г., № 10, стр. 118.)

¹¹ В. В. РАДЛОВ, *Опыт словаря тюркских наречий*, СПб. 1888—1911.

¹² См. МАХ VASMER „*Russisches etymologisches Wörterbuch*”, Heidelberg 1953. ФАСМЕР, между прочим, пишет „*Vielleicht sind Malov... u. Mladenov... im Recht, die als Quelle ein atürk. bai 'vornehm, reich' + -är also 'reicher, vornehmer Mann' ansetzen, woher boljarin durch Einfluss von bobjъ entstanden sein könnte*”.

¹³ Напр., среди пермяцких слов, помещенных в труде «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы», СПб., 1787—1789, имеется немало коми-язьвинизмов. (Кроме того, нижнеиньвенский пермяцкий говор, находящийся в 150 км к юго-западу от коми-язьвинцев, содержит ряд коми-язьвинских черт, что свидетельствует о том, что некогда существовавшее между этими говорами коми население говорило на диалекте коми-язьвинского типа. (См. нашу «Диалектогич. хрестоматию», стр. 27).

— возможно, в непосредственном соседстве с татарами и, в особенности, с башкирами. Нужно полагать, что княжество Великая Пермь (присоединена к Москве в 1472 году) в основном была заселена коми-язьвинцами, поэтому непосредственное прикосновение этого народа с татаро-башкирами нужно считать вполне вероятным. Возможно, эти прикосновения продолжались недолго, так как в скором времени — в связи с русской колонизацией Приуралья (Великой Перми), начавшейся еще в XVI в. — между башкиро-татарами и коми-язьвинцами образовалась широкая полоса русского населения, отделившая коми-язьвинцев не только от тюркоязычных народов, но и от коми-пермяков и коми-зырян.

3. В коми-язьвинском диалекте имеется интересное слово *botrak* 'ножницы', которому соответствует лугово-марийское *patrak* в том же значении. Эти слова безусловно тюркского происхождения. Однако, оригинал заимствования нам не удалось найти.

Москва

В. И. ЛЫТКИН